

Фу Жуньшэн словно нарочно испытывал терпение Юйцина: ни одной красивой мелодии так и не сыграл, только гонял туда-сюда унылые гаммы. Монотонный стук клавиш то и дело раздавался в тишине. Юйцин, который весь вечер репетировал, потом до одури корпел над домашней работой, а перед этим ещё и набегался, выбился из сил. Под это бесконечное треньканье веки его отяжелели, и он сам не заметил, как задремал.

В какой-то момент музыка смолкла. Юйцин очнулся от полузабытья, открыл глаза и замер: вокруг стояла кромешная тьма. Он поспешно зашарил руками в поисках соседа, но наткнулся лишь на пустоту.

— Фу Жуньшэн? — боязливо позвал он.

Из темноты, совсем близко, раздался зловещий, замогильный шёпот:

— У-у-у... Призрак пришёл... Сейчас я тебя съем!..

— Фу Жуньшэн! — обрадовался Юйцин и, безошибочно сориентировавшись по звуку, крепко вцепился в протянутую к нему руку. — Так ты здесь!

Мальчик застыл как вкопанный.

Юйцин завертел головой по сторонам, пытаясь хоть что-то разглядеть.

— И что нам делать? У тебя тут свечки нет?

Жуньшэн попытался вырвать руку, но Юйцин вцепился в него мёртвой хваткой, словно пиявка.

За окном давно сгустилась ночь, и на улице не горело ни огонька. В Хунъюане вечно отключали электричество.

Привидений Юйцин не боялся, а вот темноты — до дрожи в коленях. К тому же этот злыдень Фу Жуньшэн и не думал его утешать, только и делал, что вырывался, пытаясь сбежать. В комнате стояла жуткая, давящая тишина. Их заперли в пустом классе, и когда теперь вызволят — бог весть. Страх навалился с опозданием, а вместе с ним пришла горькая обида. Юйцин шмыгнул носом и жалобно захныкал:

— Домой хочу...

Фу Жуньшэн промолчал.

Хныканье быстро переросло в полноценные рыдания, а затем Юйцин и вовсе взвыл в голос:

— Домой хочу! Хочу домой! И в туалет хочу-у-у!

Жуньшэн снова рванулся, но Юйцин обхватил его руку обеими руками и вдобавок — раз уж всё равно темно и никто не видит — вытер о его рукав сопли.

В конце концов Фу Жуньшэн с силой выдернул локоть из его объятий и ледяным тоном процедил:

— Хватит реветь. Будешь орать — рот заткну.

В ответ Юйцин только набрал в грудь воздуха и заголосил пуще прежнего, как заправская труба.

— Да заткнись ты, твою мать! — не выдержал Жуньшэн, выходя из себя.

Но Юйцин и ухом не повёл, продолжая самозабвенно голосить. Жуньшэн несколько раз раздражённо шагнул туда-сюда в темноте, а потом вдруг зашёл сзади и чем-то туго перетянул Юйцину рот.

Тот от неожиданности поперхнулся и замолк на секунду, но тут же взвыл на октаву выше. Зажатое горло выдавало утробные, отчаянные звуки, пока пальцы судорожно пытались содрать с лица плотную повязку.

Слышно было, как тяжело дышащий Жуньшэн отступил на шаг, а затем бросился к окну и зашуршал чем-то в темноте. Юйцин наконец стянул ткань с лица, но узел на затылке затянулся намертво. Снять повязку до конца не получилось, и она так и осталась болтаться на шее нелепым хомутом. От жалости к себе мальчик снова залился слезами.

Впрочем, плач забирал слишком много сил. Вскоре Юйцин выдохся. Он хрипло шмыгнул носом:

— Я писать хочу...

Жуньшэн не удостоил его ответом.

Юйцин на ощупь двинулся к окну. Ночь выдалась безлунной, во дворе угадывались лишь неясные очертания деревьев. Жуньшэн усердно привязывал какую-то верёвку к чугунной батарее отопления, после чего полез на подоконник.

Юйцин так и застыл:

— Ты чего это удумал?

— Спускаюсь, — буркнул Жуньшэн, перемахивая через раму.

— Но мы же на третьем этаже! — спохватился Юйцин.

Тут же в памяти всплыло: это окно находилось ровно над парадным входом, а прямо под ним выступал козырёк подъезда. И всё равно до земли оставалось ещё прилично.

Но Фу Жуньшэн уже скользнул вниз и исчез из виду.

Заглянув в чернеющую бездну, Юйцин затрепетал от страха. Однако мысль о родном тёплом доме придавала ему храбрости. Он кое-как нацепил ранец и, ухватившись за самодельную верёвку, полез следом.

Когда его ноги коснулись жестяного козырька, Жуньшэна на крыше подъезда уже не было. Прошло несколько томительных минут, прежде чем натянутая верёвка ослабла и её конец мягко качнулся обратно во тьме.

Юйцин перехватил узел, растерянно озираясь по сторонам. Вокруг — ни души. Сосед действительно бросил его и ушёл. Юйцин снова обиженно шмыгнул носом.

Почесав макушку, он покрутился на козырьке, высматривая путь к отступлению, и заметил железную решётку на окне второго этажа чуть сбоку.

Дальше дело пошло веселее. Юйцин, затаив дыхание, перешагнул с козырька на выступающую раму решётки второго этажа, затем, цепляясь пальцами за металлические прутья, нащупал носком кроссовка решётку первого этажа и наконец спрыгнул на твёрдую землю, мелко дрожа от пережитого страха.

Первым делом он со всех ног бросился к ближайшему дереву — терпеть больше не было сил. Облегчившись и застегнув штаны, Юйцин обернулся и вздрогнул: прямо за его спиной бесшумной тенью стоял Фу Жуньшэн. Он молча разглядывал его, о чём-то напряжённо думая.

— Тебе не надо? — простодушно поинтересовался Юйцин.

Жуньшэн будто очнулся от глубокого забытья и резко отпрянул на пару шагов:

— Да прикройся ты! Ты можешь вести себя хоть немного приличнее?

Юйцин искренне не понимал, что неприличного в естественной нужде. Мама всегда твердила,

что терпеть вредно для здоровья. Но спорить не стал, а послушно буркнул:

— Ладно. Раз тебе не нужно, пошли домой.

Дорога тонула во мраке, но путь был исхожен тысячи раз, так что шли почти вслепую. Жуньшэн, оставивший свой ранец в классе, вышагивал налегке, широкими, уверенными шагами. Юйцин же со своим неподъёмным портфелем быстро выдохся и заканючил:

— Не могу больше... Давай передохнём, а?

Жуньшэн зло пнул подвернувшийся под ноги камешек и хмыкнул:

— Слизняк. Прошёл-то всего ничего, а уже выдохся.

Юйцин опёрся ладонями о колени, едва сдерживая слёзы от обиды:

— Я проголодался...

Жуньшэн испустил такой глубокий, исполненный вселенской скорби вздох, что Юйцину тут же вспомнился их сосед сверху, старый инженер Гао — бывший преподаватель, которому разменяло уже девятый десяток.

— Из тебя точно выйдет учитель, — с невольным благоговением протянул Юйцин. — Ты занудствуешь похлеще любого взрослого. Профессором станешь, не меньше.

Собеседник промолчал. Во тьме невозможно было разобрать выражения его лица.

— Много ты понимаешь, — глухо отозвался Жуньшэн. — Дубина.

— Я не дурак, — надулся Юйцин. — Я вообще-то через два класса перепрыгнул! И вообще, обзывать невежливо.

— Как хочу, так и называю, — фыркнул тот. — И что ты мне сделаешь?

Юйцин серьёзно ответил:

— Обижусь и больше никогда не буду с тобой водиться. — Он немного перевёл дух, и к нему вернулась былая сообразительность. — погоди... Если ты знал, как оттуда выбраться, почему молчал?

Но Жуньшэн лишь круто развернулся и зашагал прочь.

— Эй! — Юйцин кинулся следом. — Ну почему? Почему, почему, почему? Я же с тобой разговариваю! Ну скажи!

Всю оставшуюся дорогу Юйцин сыпал бесконечными расспросами. Жуньшэн в конце концов просто зажал уши руками и припустил во весь опор.

Когда до Маленького белого здания оставалось всего два квартала, в темноте впереди замелькали лучи карманных фонариков. Раздался встревоженный, срывающийся голос Чжоу Хуэй:

— Доудоу! Это ты, сынок?

— Мама! — радостно завопил Юйцин.

Навстречу им высыпала целая толпа взрослых. Подбежав, Чжоу Хуэй первым делом отвесила сыну пару звонких шлепков по заднице. Голос её дрожал:

— Ах ты негодник! Куда тебя понесло? Мы же с ума тут все посходили!

Отец Эрпана посветил фонариком в сторону второго мальчика:

— А это чей малец?

Жуньшэн выпрямился как струна. Куда только делась его недавняя вредность — он заговорил на удивление вежливо и вкрадчиво:

— Здравствуйте, дядя. Меня зовут Фу Жуньшэн, мой папа — инженер Фу Чжэ. Простите, мы с Дин Юйцином заставили вас всех волноваться. — С этими словами он вежливо и чинно поклонился.

Взрослые переглянулись. Мастер Чжан из жестяного цеха добродушно махнул рукой:

— А-а, так ты сын инженера Фу! Ну, какое там беспокойство, главное — нашлись, живые-здоровые. Только больше так не делайте, а то у нас аж сердца прихватило.

— Да, дядя. Больше такое не повторится, — прилежно отозвался Жуньшэн.

Когда они наконец вошли во двор, мастер Чжан хлопнул себя по лбу:

— Ох, совсем забыл! Твой отец ведь сейчас днюет и ночует в конструкторском отделе, а у вас в окнах темно. Дома-то есть кто? Если пусто, пойдём ко мне, хоть перекусишь с дороги, попьёшь горячего.

— Спасибо большое, дядя, но не стоит, у меня есть ключи, — вежливо отказался Жуньшэн, останавливаясь у дверей своего подъезда. — До свидания, тёти и дяди. Пока, Доудоу.

Он вежливо помахал рукой на прощание и с прямой, как натянутая струна, спиной скрылся в темноте подъезда.

— Ишь какой самостоятельный, — с уважением протянул кто-то из соседей.

— Вот посмотри на человека! — тут же принялась пилить сына Чжоу Хуэй. — Какой воспитанный мальчик! А ты? Мартышка дикая! Свет отключили, а он и рад на уши весь район поднять! Наверняка ты его подговорил сбежать, а люди теперь из-за твоих капризов должны по тёмным улицам шастать! Живо извинись перед соседями!

— Да не виноват я! — захныкал Юйцин, чувствуя вопиющую несправедливость.

— Ещё и спорит! — вскипела мать.

Юйцин обиженно шмыгнул носом и опять разрыдался в три ручья.

"Ну и предатель этот Фу Жуньшэн, — сквозь слёзы думал он. — Всё, больше я с ним ни за что водиться не буду"

<http://bllate.org/book/19415/1939421>